ЕВРОПА ЖУРНАЛ ПОЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЛ
Том 4
№ 4 (13)
2004

Кшиштоф Малиновски

Евроатлантические дилеммы правительства Герхарда Шредера

Иракский кризис обнаружил многочисленные слабости главных институтов мирового порядка. Они оказались не способны противостоять вызовам, следующим из американских намерений в отношении Ирака. Пострадал не только авторитет Организации Объединенных Наций как важнейшего органа, принимающего решения по вопросам войны и мира. Спор о правомочности американской интервенции в Ираке невыгодным образом сказался также на трансатлантических отношениях, оживляя кассандрические видения распада Североатлантического Союза, и в то же время вызвал внутренние разногласия в ЕС.

Политика безопасности Германии в ходе иракского кризиса и после его окончания особым образом отразила принципиальные дилеммы, касающиеся реорганизации трансатлантических отношений. Животрепещущей стала проблема установления новых правил взаимодействия США и Европейского Союза. Федеральная Республика в значительно большей степени, чем двое других главных европейских участников иракского спора, т. е. Франция и Великобритания, до сих пор заботилась о сохранении равновесия между атлантической ориентацией, институциональную основу которой составляло НАТО, и стремлениями к развитию европейской интеграции в области внешней и военной политики. В период холодной войны атлантическая ориентация в политике ФРГ, несмотря

на то, что она зачастую естественным образом вступала в противоречие с ориентацией европейской, предполагающей тесную связь с Францией и ее программой уравновешивания мощи США на мировой арене, никогда всерьез не подвергалась опасности. Ибо связи с США были конституированы элементарными интересами ФРГ: американский ядерный щит гарантировал безопасность и благосостояние и создавал основу западногерманской *Deutschland- und Ostpolitik*. Исчезновение советской угрозы и решение немецкой проблемы нарушили, таким образом, прежние предпосылки атлантической ориентации. Однако все еще оставались в силе принципиальные мотивы сохранения существования НАТО, а также его внутреннего преобразования. И хотя принцип отпугивания, направленный против возможной атаки на территорию альянса, приобретал все меньшее значение, с точки зрения Германии членство в НАТО по-прежнему выполняло значимые функции в непредсказуемую эпоху после окончания холодной войны: во-первых, функцию связующего звена между ФРГ и американской политикой, во-вторых, функцию сохранения присутствия США в Европе и тем самым укрепления стабильности на евроатлантическом пространстве, в-третьих, функцию предохранения от возможных тенденций ренационализации политики безопасности в Европе.

Несмотря на несколько важных событий и процессов, катализирующих новый расклад отношений внутри альянса (войны на Балканах, расширение НАТО и ЕС), лишь фундаментально новые элементы в политике США в результате терактов 11 сентября 2001 г. рельефно обозначили источники разногласий. Идея борьбы с терроризмом, правда, ненадолго укрепила позицию США, но президент Дж. Буш быстро утратил поддержку двух важных европейских партнеров – Франции и Германии, все менее склонных к признанию американских устремлений, особенно с того времени, когда они переродились в программу уничтожения «оси зла». Вначале политика коалиции СДПГ/Зеленые под руководством канцлера Шредера протекала под знаком продолжения и, как

во времена правления демохристианско-либеральной коалиции, была направлена на гармонизацию обеих стратегических ориентаций. Выражением этого было участие ФРГ в войне в Косово, а особенно оказание поддержки США после 11 сентября, что еще позволяло Североатлантическому альянсу сохранять единство.

Попытка уравновесить влияние США и отказ от планов войны с Ираком в форме участия в специально образованной с этой целью французско-российско-немецкой коалиции означали, что ФРГ, возглавляемая коалицией СДПГ/Зеленые, впервые со времени своего появления открыто выступила против США, а свои растущие амбиции стала неожиданно обосновывать оппозицией в отношении ведущей державы мира. Поведение Германии во время иракского кризиса можно, таким образом, признать, учитывая реинтерпретацию мультилатерализма, началом новой фазы политики безопасности Германии. Это в то же время было дополнением первого этапа перемен, состоявших в признании военного инструмента в качестве средства внешней политики (согласие на участие бундесвера в военных операциях *out of area*). Наиболее явно новое понимание роли Германии проявилось в формулировке о т. н. немецком пути, которую канцлер использовал в избирательной кампании в бундестаг в августе 2002 г. Она должна была внушить мысль о потребности появления в политике ФРГ тенденций к большей самостоятельности на международной арене.

Обретение былой равномерности в германской политике безопасности могло бы положительно отразиться на процессах дальнейшего развития политики безопасности в рамках НАТО и ЕС (*ESDP*). ФРГ решительным образом может повлиять на реорганизацию этих институтов, а особенно на придание их взаимоотношениям более комплементарной, чем конкурентной формы, – и тем самым одновременно оказывая значительное положительное влияние на формирование нового образца трансатлантических отношений. Из этой перспективы – если говорить несколько упрощенно – видно, какую

огромную цену приходится платить за возвращение к нормальным контактам на линии Берлин/Париж – Вашингтон. Речь идет не только об их билатеральном аспекте или об улучшении самого их климата, но «прежде всего» о поиске нового смысла и формулы деятельности трансатлантического сообщества, возможных для рассорившихся по поводу иракской проблемы союзников. Подобную цель имеют действия, направленные на достижение внутри ЕС консенсуса в вопросах европейской политики безопасности.

Новая неуступчивость Германии и Франции, выкристаллизованная в ходе иракского кризиса, привела к возникновению дискуссии на тему характера и принципов происходящей стремительной эволюции внешней политики во время правления коалиции СДПГ/Зеленые. Сторонники перемен и критики курса канцлера Шредера сталкивались не столько по поводу того, справедливо ли сопротивление Германии в Совете безопасности американским планам войны в Ираке, сколько в вопросе о стиле поведения правительства Шредера в отношении США, а также по поводу того, правильно ли поступила Германия, используя иракский кризис для манифестации собственных амбиций, направленных на повышение своей роли в мировой политике[1].

ФРГ и НАТО

Будущее НАТО будет зависеть от того, смогут ли его ведущие представители, США, Франция и Германия, а также Великобритания, договориться по вопросу о его изменяющейся сущности и, таким образом, сможет ли оно выполнять функцию политической основы трансатлантического альянса

---

[1] Эта дискуссия продолжается до сих пор и регистрируется средствами массовой информации (например, на радио *DLF* летом и осенью 2004 г. транслировался цикл передач под названием *Für eine bessere Aussenpolitik*). Она ведется также в кругах немецкой *security community* и находит отражение на страницах всех серьезных политологических журналов (напр., „Aus Politik und Zeitgeschichte", „Internationale Politik", „Welttrends", „Blätter fär deutsche und internationale", интернет-издании „Politik German Foreign Policy in Dialogue" [www.deutsche-aussenpolitik.de]).

или, иными словами, форума согласия и координации действий по всем принципиальным вопросам политики безопасности – таким, как международный терроризм, распространение оружия массового поражения, а также предупреждение и преодоление кризисов и международных конфликтов, стабилизация и восстановление кризисных территорий, а в связи с этим будут ли и каким образом будут урегулированы принципы комплементарного разделения труда между военной структурой НАТО согласно его новому предназначению и нарождающимися вооруженными силами ЕС.

Германия и изменяющаяся сущность Североатлантического альянса

Перемены в отношении нынешней правящей коалиции СДПГ/Зеленые к НАТО имели тесную связь с переходом США к активной борьбе с международным терроризмом. Новые элементы в политике ФРГ по вопросу участия в НАТО ярко продемонстрировало отношение к проблеме трансформации альянса и соответствующим решениям Пражского саммита НАТО в ноябре 2002 г., т. е. в фазе нарастающего кризиса вокруг Ирака. По ключевой для будущего альянса проблеме расширения его функций и масштаба деятельности в позиции правительства Шредера произошли симптоматичные изменения. При определении стратегической доктрины накануне исторического саммита НАТО в 1999 г., на котором праздновалось 50-летие существования альянса, Германия выступила против тогдашних постулатов администрации президента Клинтона о том, что необходимо дополнить спектр задач НАТО «защитой общих интересов», а тем самым не ограничивать географический диапазон деятельности НАТО, опасаясь, что НАТО станет глобальным «жандармом» и будет использовано США в качестве инструмента интервенции в самых отдаленных уголках мира. На Пражском же саммите 2002 г. Германия вполне поддержала декларацию о том, что предназначением альянса будут военная интервенция там, где Совет сочтет это необходимым. Таким образом ФРГ одобрила

американское видение НАТО как глобального альянса. Позиция правительства Шредера по вопросу о трансформации НАТО производила впечатление как бы изолированной от главной оси спора с США по поводу Ирака, что можно считать важным аргументом, свидетельствующим о трансатлантической ориентации ФРГ.

Экземплификация изменившейся позиции Германии была на Пражском саммите ее согласием на образование Сил быстрого реагирования НАТО (*NATO Response Force – NRF*). Эта американская инициатива была центральным пунктом вышеупомянутого нового видения НАТО, в свою очередь формирующегося в явной связи со стратегией национальной безопасности США. Оно предусматривает возможность т. н. упреждающего военного удара с целью защиты от угроз нового рода. Именно с этой стратегией перекликался замысел образования *NRF*. Данная концепция была как бы попыткой подготовки европейских союзников к дискуссии по поводу идеи упреждающего удара, которая встретилась с их немедленной критикой и поэтому не поднималась США на Пражском саммите. С точки зрения США, одобрение европейскими партнерами концепции *NRF*, т. е. осуществления НАТО молниеносных интервенций во взрывоопасных регионах мира, должно было укрепить существование самого НАТО. В военном смысле она должна была склонить европейские страны-члены к тому, чтобы предпринять скорейшие усилия с целью улучшения их обороноспособности и адаптации к высоко продвинутым военным технологиям США, а также к рационализации процессов принятия решений по поводу участия в зарубежных военных операциях, а прежде всего это была проверка их готовности противостоять общим угрозам.

Одобрение властями ФРГ Сил быстрого реагирования НАТО важно постольку, поскольку оно концентрирует, как в увеличительном стекле, основные дилеммы Германии по поводу роли НАТО в будущем, а также позволяет делать выводы о направлениях дальнейшей нормализации немецкой

политики безопасности. С точки зрения ФРГ, вначале важен был вопрос о том, как избежать подчинения *NRF* США и использования их для неоднозначных упреждающих действий или действий, не имеющих санкции ООН, что противоречило бы германской политике безопасности. Гарантии усматривались в механизмах принятия решений, а именно в том, что использование *NRF* и возможное злоупотребление ими руководством США так или иначе будет блокироваться решениями Североатлантического совета, принимаемыми путем консенсуса и, таким образом, правом вето ФРГ, дополнительно каждый раз обусловленным на внутреннеполитической арене предварительным согласием бундестага[2].

Вообще одобрение правительством Шредера американской концепции *NRF* следовало бы интерпретировать как выражение проатлантической позиции и союзнической лояльности. В одобрительной позиции ФРГ можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, она сигнализировала о том, что ФРГ разделяет намерения институционального укрепления альянса и консолидации трансатлантических отношений после иракского кризиса посредством создания эффективного инструмента, позволяющего альянсу реализовать новые миссии и задачи.

Во-вторых, немецкое одобрение инициативы NRF вытекало из опасений по поводу возможной дезинтеграции альянса в случае укрепления модели «коалиции желающих» и нарастающего унилатерализма США.

В-третьих, наконец, одобрение *NRF* и вступление в них представляло собой новый важный этап нормализации немецкой политики безопасности и увеличения роли ФРГ в международной политике посредством участия в военных операциях. Ее вклад в новые силы значителен и пропорционально соответствует участию ФРГ в прежних структурах альянса.

---

[2] См. выступление министра Й. Фишера // Стенограммы бундестага, 10 заседание 15 созыва, 14.11.2002 (www.bundestag.de).

Вступление правительства Шредера в *NRF* является маховиком для «нормализационных» реформ немецкой политики безопасности и укрепления внутреннего консенсуса во имя программы военного присутствия за рубежом. Намерением правительства СДПГ/Зеленых является убеждение оппонентов в рядах коалиции в идее активного участия ФРГ в международных операциях. Ключевым вопросом при этом является ограничение чрезмерной роли парламента в процессе принятия решений по вопросу участия бундесвера в операциях *NRF* (а также сил быстрого реагирования ЕС). Ибо прежняя процедура принятия решений противоречит необходимости немедленной активизации военных компонентов, принимающих участие в операции под эгидой *NRF*. По историческим причинам крупные фракции СДПГ и Зеленые выступали за небольшие ее изменения и были против замыслов коалиции ХДС/ХСС, которая предлагала перенос решений об использовании бундесвера в международных операциях в рамках *NRF* (или сил ЕС) из компетенции бундестага в компетенцию правительства. Предложенный парламентскими фракциями СДПГ и Зеленых закон не оправдывает ожиданий сторонников адаптации, представленных в правительственных кругах и в особенности в министерстве обороны, а также его шефом министром Петером Штруком, и скорее всего будет осложнять участие ФРГ в операциях *NRF*. Тем самым он – учитывая значительное и специализированное участие бундесвера в этих силах (противовоздушная оборона и защита от атомной, бактериологической и химической угрозы) – практически может привести саму инициативу *NRF* к фиаско. Возможное блокирование операций *NRF* бундестагом (то ли из-за отсутствия вотума доверия к прежнему обязательству правительства по отношению к союзникам, что вообще парализует подготовку к операциям *NRF*, то ли из-за использования специального права на повторное голосование по вопросу о выводе бундесвера из уже идущей операции) будет иметь негативные последствия для позиции Германии, ее отношений с США, а также вообще для целостности альянса, гене-

рируя таким образом возникновение «коалиции желающих» под предводительством США. Лишь такое законодательное изменение, которое даст более широкие полномочия по принятию решений правительству, поможет избежать снижения значения Германии в альянсе[3].

«Нормализационная» реформа касается реструктуризации бундесвера с точки зрения его участия в будущих военных операциях за границей в рамках *NRF* и сил ЕС. Она принципиально определяет дальнейшее направление эволюции политики безопасности, создавая тем самым предпосылку модификации процесса принятия решений. Объявление Директив оборонной политики в мае 2003 г., первого официального документа, синтезирующего новую политику безопасности ФРГ в исполнении коалиции СДПГ/Зеленые, реструктуризация бундесвера и новая категоризация вооруженных сил (выделение интервенционных, стабилизирующих и резервных сил), а также согласие и готовность к активному участию в инициативе *NRF* и силах ЕС подтвердили, что ФРГ адаптируется к новым военным вызовам и просто реализует программу всесторонней нормализации немецкой политики безопасности[4]. Директивы, программируя преобразование бундесвера в интервенционную армию, независимо от того, в рамках какой операции она будет использована (по мандату ООН или без него, либо по случаю под эгидой ЕС или НАТО), не затронули фундаментального вопроса о том, каким образом немецкая политика безопасности должна быть приспособлена к обоим институтам.

НАТО в Афганистане

Выражением тенденции к ослаблению напряженности было принятие и поддержка ФРГ идеи передачи руководства

---

[3] K. Malinowski, *System decyzyjny w polityce bezpieczeństwa RFN a udział Bundeswery w operacjach wielostronnych* // „Opinie i ekspertyzy", nr 1, lipiec 2004, Departament Strategii i Planowania Polityki Zagranicznej MSZ.

[4] *Verteidigungspolitische Richtlinien für den Geschäftsbereich des Bundesministers der Verteidigung (Hrsg.) Bundesministerium der Vertiedigung*, 21. Mai 2003.

стабилизационной операцией *ISAF* в Афганистане НАТО в мае 2003 г. (это произошло в августе 2003 г.), а также участие в расширении мандата этой операции за пределы Кабульского региона и увеличение собственного вклада в нее посредством основания реконструкционных миссий в городах Кундуз (2003) и Файсабад (*Provincial Reconstruction Team*). Симптомом уступчивой позиции можно считать также поддержку ФРГ в Совете послов польской просьбы о доступе к активам НАТО в сфере распознавания, интероперационности и логистики для создания основ функционирования международных воинских контингентов в руководимой Польшей зоне в Ираке.

Согласно намерениям ФРГ, участие в решении афганской проблемы стало фактором ослабления напряженности в отношениях с Вашингтоном и подтвердило, что Германия одобряет новую роль НАТО как альянса, имеющего глобальный масштаб действия. Участие ФРГ под руководством НАТО в военных действиях в Афганистане можно интерпретировать также как выражение стремления к его хотя бы частичному оживлению в качестве инструмента мультилатерализации политики США. С немецкой точки зрения, отдающей абсолютный приоритет кооперативному стилю ведения политики безопасности, НАТО имеет одно особенно важное качество как форум принятия решений таким образом, который гарантирует коллективность и ограничивает возможное проявление гегемонистских наклонностей США, а также их намерение создания т. н. «коалиций желающих». За идеей включения НАТО в *ISAF* (и готовностью расширения присутствия бундесвера в Афганистане) скрывалась тенденция такой направленности альянса на стабилизационные действия, чтобы воспрепятствовать его возможной эволюции в форсируемом США направлении. Согласно сущности политики правительства Шредера, присутствие НАТО в Афганистане было антитезой участия в проамериканской «коалиции желающих» в Ираке и одновременно, быть может, упреждением его будущих миссий *out of area*, не только окказиональных и антикризисных (*NRF*), но также стабилизационно-реконструктивных.

Присутствие бундесвера в Афганистане было, таким образом, не только эквивалентом отсутствия в Ираке, но в то же время также проекцией желаемой Германией роли гражданского государства, хотя бы в малой степени дополняющего военные действия стабилизационными миссиями, авторизованными ООН. Дополнительным проявлением этого направления деятельности был охват ФРГ процесса восстановления Афганистана дипломатическим патронажем на международной арене, о чем свидетельствовала организация специальной конференции, посвященной этой тематике.

НАТО-США – атлантическая ориентация

Возвращение более или менее уравновешенного подхода в политике ФРГ не будет легким, правительство нынешней коалиции и так слишком в этом торопится. Возвращение к прежнему евроатлантическому мультилатерализму, а следовательно, *status quo ante* в отношениях с США представляется скорее нелегким. Уже не только потому, что на пути к этому стоят изменяющиеся структурные условия германо-американских отношений: после окончания холодной войны объединенная Германия постепенно утрачивала свое геополитическое значение для США. После 11 сентября, следуя логике, ФРГ должна перестать учитываться также в новых американских расчетах как союзник в борьбе с терроризмом по причине своих внутриполитических проблем с проецированием военной силы, а также придания автономизации политики безопасности ЕС приоритетного характера.

Сохраняемая, несмотря ни на что, поддержка Германией НАТО и готовность признать его глобальным альянсом, действующим на международной арене по мандату ООН (так же, как в рамках *ISAF*), была выражением его восприятия правительством Шредера как основы трансатлантического сотрудничества и *nolens volens* сохранения присутствия США на европейском континенте. В свете высказываний представителей правящей коалиции укрепление политической роли НАТО имеет весомые преимущества. Ибо оно считается

платформой урегулирования или амортизации отношений на линии США-ЕС, а одновременно мультилатерализации политики США, а в особенности нейтрализации американского замысла сделать из нее базу для создания «коалиции желающих». «Традиционный» евроатлантический мультилатерализм имеет поэтому настолько определенные перспективы, что Германия не редуцирует значения НАТО до оборонного аспекта (который в глазах нынешней коалиции не имеет сейчас слишком большого веса) и заинтересована также в его новом предназначении. Вовлеченность в дела НАТО, по убеждению немецких политиков, не противоречит постулату придания ЕС ранга более или менее равноправного с США в рамках НАТО, понимаемого как альянс Запада, то есть как форум диалога и трансатлантической политической кооперации. Однако прежде всего самым важным вопросом будет то, удастся ли Германии ввести в практическую политику концепцию реконструкции Запада с опорой на НАТО как единственную платформу трансатлантического диалога. Ее автор министр Й. Фишер предполагает, что необходимость для США и ЕС противостоять общим вызовам, локализированным в районе Ближнего Востока и Центральной Азии, может стать связующим звеном получившего новую формулу альянса, подобно тому, как в период холодной войны его сплачивала советская угроза, а также что Германия как координатор сыграет в процессе реконструкции ключевую роль[5].

Однако достижение улучшения климата отношений с США и приведения их в состояние, бывшее до войны с Ираком, будет нелегким. Одни лишь декларируемые с мая 2003 г. тональности и жесты все же недостаточны. Германия, правда, располагает здесь сильным козырем в форме своего участия в стабилизации Афганистана, а также потенциально предложения помощи в восстановлении Ирака. В деле отправки войск

---

[5] *Die Rekonstruktion des Westens – Interview von Bundesaussenminister Fischer zu Europa, Amerika und den gemeinsamen strategischen Aufgaben* mit der „Frankfurter Allgemeinen Zeitung", am. 06.03.2004 (http://www.auswaertiges-amt.de/www/de/ausgabe_archiv?archiv_id=5454).

в Ирак правительство занимало негативную, а по вопросу об участии НАТО вначале сдержанную, а затем отрицательную позицию и, в частности, прикрывалось только что расширенным участием бундесвера в Афганистане. Его нежелание следует объяснять в значительной мере требованиями внутренней политики. Шредер не мог и может себе позволить решения об отправке бундесвера, опасаясь повторения ситуации ноября 2001 г., когда он едва был в состоянии обеспечить большинство в среде коалиции в поддержку своего решения об участии бундесвера в операции *Enduring Freedom* в Афганистане. Прежде всего канцлер не желает отвечать за негативные последствия политики США в Ираке. Кроме того, своей непримиримой позицией в оценке причин и последствий интервенции США в Ираке канцлер имел возможность продемонстрировать немецкие намерения играть новую, более значительную роль в международной политике. Желание сохранения этой новой позиции подсказывало бы необходимость сохранения неодобрения США или отмежевания от них и их идеи включения НАТО в процесс стабилизации Ирака.

Однако ФРГ стоит здесь перед большой дилеммой: корректировка позиции правительства Шредера в отношении Ирака рано или поздно будет все же неизбежна, если его намерения в деле реконструкции Запада искренни и он на самом деле заинтересован в том, чтобы США вернулись к действиям в духе мультилатерализма и более того – в том, чтобы поддержать действия Германии, направленные на получение места постоянного члена Совета безопасности ООН. Несмотря на обострение внутренней ситуации в Ираке весной 2004 г., уступка в форме поддержки проекта резолюции Совета безопасности ООН, передающей временному иракскому правительству условную суверенность, была запрограммирована. Правда, на саммите НАТО в Стамбуле в июне 2004 г., из-за сопротивления ФРГ и Франции, решение о более широком участии альянса в Ираке не было принято, однако Германия пытается в минимальной степени проявить готовность к уступ-

кам, организуя обучение новых иракских сил безопасности в Саудовской Аравии.

Поэтому остается неизвестным, удалось ли красно-зеленой коалиции убедить администрацию президента Буша в том, что деятельность ФРГ, направленная на укрепление европейской опоры, находится в сфере интересов Западного союза и не определяется в США. Германия, оправдывая свою деятельность во имя создания европейской самостоятельности в области политики безопасности, правда, уверяла, что ее стремлением является укрепление европейской опоры в рамках трансатлантического альянса именно для повышения его сплоченности, а не превращение ЕС в соперничающую с США державу, но это было скорее проявление намерений сиюминутных, чем декларация окончательной цели. С другой стороны, немецкие политики сознают, что ЕС глубоко на этой почве разделен и сделать из него конкурента США в политике безопасности невозможно. Будущие кризисы и международные конфликты могут, однако, снова разделить союзников на фоне европейских устремлений, подрывая таким образом трансатлантический диалог и придавая процессу обретения самостоятельности динамику, которая не сможет быть остановлена, независимо от намерений немецких политиков. Германия и ЕС, хотят этого или нет, также в будущем станут сопоставляться с более или менее унилатеральной политикой США с военной сфере. Новая ориентация Америки, состоящая в активной политике реорганизации мирового порядка, может стать источником неустанных дилемм для ЕС и германо-французского тандема. Американский вызов еще более явно выдвинет потребность обновления трансатлантического форума и нахождения соответствующих инструментов для преодоления и консультирования будущих напряженностей и кризисов. Сам процесс принятия решений альянсом по вопросу об интервенции в будущие кризисы (в соответствии с правилами, установленными упомянутым компромиссом между ФРГ, Францией и Великобританией) может осложниться, если возникнут коллизии интересов великих держав на

форуме НАТО и попытки заблаговременной выработки совместной политической позиции Германией и Францией, прежде чем начнутся консультации с США. Политики правящей коалиции, как представляется, не придают значения этому риску.

Существуют вполне серьезные предпосылки к тому, чтобы предположить, что в действительности немецкие и американские идейные представления о сущности новой политики трансатлантического альянса в отношении других культурно-политических областей очень близки, хотя их разделяют способы восприятия – в случае Германии более идеалистический, в случае США совершенно прагматический. Американская идея реорганизации Ближнего Востока в направлении либеральной демократии (*Greater Middle East*), без сомнения, более близка устремлениям немецких, чем французских политиков. Французские элиты пестуют абсолютно реалистические представления о сущности политики с принципом равновесия сил во главе, и концепция создания демократического порядка им не особенно близка. Несомненно, именно под влиянием Германии дуэт Берлин-Париж выступает за вариант совместной европейско-американской стратегии во имя решения ближневосточного конфликта и вообще за совместное с США участие на Ближнем и Центральном Востоке[6].

Германия и Франция отличаются пониманием самой сущности НАТО. В то время как ФРГ традиционно придает большое значение НАТО, рассматривая его как трансатлантический форум консультаций и диалога, а вместе с тем как институт, делающий возможным реализацию погруженной в «сообщество безопасности» (*Sicherheitsgemeinschaft*) кооперативной политики безопасности, Франция придавала ему значение, редуцированное до военно-стратегических аспектов. Поэтому сложности, возникшие у ФРГ в трансатлантических отношениях, вытекающие из подобного французскому пониманию эмансипирующей роли ЕС и тесно институциона-

---

[6] J. Krause, *Multilaterale Ordnung oder Hegemonie?* // „Aus Politik und Zeitgeschichte", B31-32, 18.07.2003, s. 9-13.

лизированного сотрудничества обоих партнеров (например, в форме германо-французского совета по вопросам обороны и безопасности) потенциально могут быть уравновешены в политике ФРГ – отличным от Франции – в значительной мере политическим пониманием сущности НАТО.

Переход ФРГ под руководством нынешней коалиции к концепции расширенной безопасности также имеет весомые последствия для способа восприятия военной роли НАТО в будущем. Отказ от принципа территориальной обороны в пользу перестройки бундесвера в направлении интервенционной армии отражает так или иначе снижение интереса к первичным функциям альянса, а следовательно, сокращение основ трансатлантической ориентации. Мы имеем здесь дело, однако, с двойным парадоксом: направление преобразования вооруженных сил в армию для интервенционных задач, как представляется, противоречит в определенной степени декларируемой долговременной цели переформирования круга «структурного сотрудничества» в Европейский оборонный союз. Кроме того, большинство политического класса по-прежнему усматривает в трансатлантическом партнерстве сущность безопасности для Германии. Демохристиане и либеральные демократы выступают как за его сохранение, так и за эмансипацию европейской политики безопасности.

Что наиболее важно, «политическое» восприятие НАТО после снижения напряженностей, связанных с иракским кризисом, начало также имплицировать убеждение в том, что без атлантического аспекта не удастся построить достоверной (для самих членов ЕС!) европейской политики безопасности, комплементарной не столько в отношении НАТО, сколько в отношении американских стремлений к лидерству.

«Политическое» понимание НАТО, которое стало явным в беспроблемной апробации очередного раунда его расширения, было дополнено скорее неожиданным одобрением нового военного аспекта действий альянса. Готовность к включению в инициативу *NRF* была равнозначна поддержке трансформации НАТО и одобрению его новой сущности как

института для согласования целей и методов борьбы с новыми угрозами (борьба с терроризмом, стабилизация кризисных территорий, защита от оружия массового поражения). Несомненно, участие в *NRF* также следует рассматривать как тест на сохраняющееся по-прежнему наличие атлантической ориентации у нынешней коалиции или, иными словами, считать ее «трансатлантическим страховым полисом».

Следует еще раз подчеркнуть, что слишком далеко идущая вовлеченность вместе с Францией в создание европейской политики безопасности и обороны как начала антиамериканской *Europe puissance* могла бы означать для нынешнего правительства СДПГ/Зеленые стратегическую ошибку. Следствием этого было бы углубление внутрисоюзных разделов между старыми и новыми членами (и, вероятно, изоляция ФРГ в ЕС), что может в конце концов отрицательно сказаться на самом проекте европейской интеграции и шире – на принципе кооперативного поведения ФРГ на международной арене. При этом представляется, что демохристианская оппозиция лучше понимает эти потенциальные трудности, как и – в отличие от СДПГ и Зеленых – необходимость проведения в немецких политических элитах дискуссии, которая принесла бы ответ на вопрос о том, насколько – с точки зрения национальных интересов – необходимо присутствие Америки в Германии и Европе.

Позиция ФРГ в отношении европейской политики безопасности

Германия долгое время рассматривала эмансипацию ЕС, главным образом, как укрепление европейской опоры внутри альянса. В этом смысле НАТО оставалось до сих пор главным институтом безопасности и носителем трансатлантического партнерства, как в отношении своих первичных коллективно-оборонных функций, так и в области управления кризисами. НАТО сохраняло приоритет перед ЕС в принятии решений по возможным кризисным вопросам.

Положительная позиция Германии в отношении предназначения сил *NRF* и их использования в действиях *out of area* контрастирует в определенной степени с фактом, что Германия одновременно постулировала бы развитие *ESDP* таким образом, который может принести в дальнейшем сужение сотрудничества ЕС и США, а также ослабление НАТО. Однако этот диссонанс пока представляется скорее видимостью, учитывая то, что *ESDP* как соперник НАТО ныне подвергается переоценке как в отношении *crisis managament*, так и тем более в средне- и долгосрочной перспективе как суррогат Европейского оборонного союза. До сих пор позиция ФРГ опиралась на положение о том, что, несмотря на различные трансатлантические противоречия, в соперничестве с США не заинтересованы ни Германия, ни ЕС. До сих пор также *ESDP* должна была ограничиваться ликвидацией международных кризисов и петерсбергскими задачами.

Во мнениях политиков нынешней коалиции было видно нарастающее предпочтение самостоятельности ЕС в политике безопасности, проявлением чего стал постулат снабжения ЕС возможностями реализации целого ряда петерсбергских задач, а также расширение этих задач. Модель их разделения между *ESDP* и НАТО, предназначающая европейские силы реагирования, главным образом, на операции типичного *peacekeeping*, а верхний спектр упомянутых задач, т. е. операции, требующие использования «тяжелых» вооруженных сил, оставленный за НАТО и его силами быстрого реагирования (*NRF*), был признан в Германии недостаточным, учитывая амбиции ЕС.

Риск конкурентности действий обоих институтов в сфере антикризисных операций недооценивался, невзирая на его политические аспекты. Основной аргумент касался принципа недублирования, т. е. одни и те же военные силы, поставляемые одной и той же страной НАТО и ЕС, должны были действовать в рамках обеих структур (*single set of forces*). По мнению немецкого министерства обороны, ситуация конкуренции между целями вооруженных сил под эгидой НАТО и ЕС должна быть исключена как в отношении разделения

задач, так и в отношении выделения вооруженных сил для их исполнения. Поэтому также, как подчеркивал министр обороны Петер Штрук, процессы планирования в области улучшения их способностей, разрабатываемые под руководством ЕС (*European Capabilities Action Plan*, созданный в ноябре 2001 г.) и НАТО (*Prague Capabilities Commitment* – ноябрь 2002 г.) должны быть согласованы между собой так, чтобы образовать скоординированные с силами НАТО европейские вооруженные силы[7].

Соглашение «Берлин-плюс», регулирующее определенный масштаб отношений между НАТО и ЕС (подписанное 12 декабря 2002 г.), достигнутое при активном участии Германии и делающее возможным для ЕС ведение самостоятельных операций с исключением США, с помощью средств НАТО, однако, не вполне соответствовало эмансипационным устремлениям политиков правящей коалиции, постулирующим реализацию автономных операций без использования этих средств, т. е. без какого бы то ни было влияния США. Мини-саммит в Брюсселе с участием Франции, ФРГ, Бельгии и Люксембурга (29 апреля 2003 г.) показал слабость этих намерений. Его созыв был жестом протеста против политики США, а принятые соглашения конкретизировали представления французско-германского тандема о *ESDP*, а также более четко, чем раньше, обрисовали контуры позиции Германии также по вопросу о будущем НАТО и роли США в трансатлантических отношениях.

В «Декларации о европейской политике безопасности и обороны» (подготовленной на основе более ранних немецко-французских постулатов, касающихся *ESDP*, для переговоров в Конвенте ЕС)[8] было оглашено начало новой фазы формирования «Европы безопасности и обороны» и выдвинуто, в

---

[7] P. Struck, *Deutsche Sicherheitspolitik und die Bundeswehr vor neuen Herausforderungen* // Europäische Sicherheit, Februar 2003 (http:// www.bmvg.de/archiv/reden/inspekteure).

[8] *Gemeinsame Erklärung Deutschlands, Frankreichs Luxemburgs und Belgiens zur europäischen Sicherheits- und Verteidigungspolitik*, Brüssel, 29. April 2003 (www.bundesregierung.de).

частности, предложение включения в конституционный договор ЕС принципа усиленного сотрудничества в области обороны. Кроме того, принято решение о выдвижении конкретных инициатив, которые должны пропагандировать военное сближение желающих стран-членов ЕС. Объявлено создание европейской способности к быстрому реагированию, которая была бы использована в операциях в рамках ЕС или НАТО, а также прежде всего способности ЕС в области планирования и командования посредством образования в Тервюрене собственных европейских, независимых от НАТО, самостоятельных планово-командных структур для проведения операций, планируемых ЕС (данный постулат означал готовность к дублированию командной структуры НАТО).

Рассуждая логически, можно констатировать, что Брюссельская декларация, объявляющая военную автономию ЕС, выходила за пределы прежней позиции правительства Шредера, которая предполагала комплементарность обоих институтов безопасности: коллективная оборона должна была остаться прерогативой НАТО, но в период преодоления международных кризисов должно было существовать разделение труда, отдающее приоритет НАТО, а ЕС дающее возможность действовать тогда, когда НАТО как целое не выразит воли вмешательства. Постулат образования независимой командной структуры, управляющей кризисными операциями ЕС, реализуемыми без необходимости включения и использования средств НАТО, свидетельствовал о том, что ФРГ склонна участвовать в решении международных кризисов посредством ЕС без консультаций с США и НАТО.

В Брюсселе Германия высказалась также за вариант Оборонительного союза, что означало готовность вмешательства в компетенцию коллективной обороны и фактически вызов НАТО как оборонительному альянсу. Хотя положение о Европейском оборонительном союзе предполагало конкуренцию в отношении НАТО, его немецкие главные действующие лица неустанно повторяли, что эта инициатива никогда не станет

альтернативой Североатлантическому альянсу, а наоборот, послужит укреплению его европейской опоры.

Декларация была сигналом, что с момента иракского кризиса ФРГ склонна к тому, чтобы предпринять совместно с Францией значительный шаг вперед в создании независимого военного инструментария ЕС. Апелляция к принципу усиленного сотрудничества для создания автономной европейской политики безопасности означала отход от решений Ниццского саммита, где политика безопасности и обороны была освобождена от соблюдения данного правила. В действительности инициатива четырех государств оказалась контрпродуктивной. Какие бы то ни было действия во имя укрепления *ESDP* и так не имели смысла без участия Великобритании. В результате она заблокировала ход работы, ведущейся в Конвенте в области безопасности.

Во время международной конференции Германия представила общую позицию с Францией. Положения проекта Конституции не отражали дух брюссельской декларации и стали предметом спора (ст. 210-214). В ключевом вопросе создания специальных штабных структур для ведения самостоятельных операций ЕС, а точнее ее государствами-членами, развивающими теснейшее военное сотрудничество, столкнулись два видения. Первое, представленное Францией, Германией и Бельгией, предполагало физическое возникновение такой структуры (в Тервюрене), второе, предпочитаемое Великобританией, постулировало использование скорее национальных штабных структур для проведения операций ЕС. Кроме того, Германия и Франция выступали за эксклюзивный характер усиленного военного сотрудничества[9]. Сближение с Великобританией обернулось большей уступчивостью ФРГ и готовностью к заключению компромисса. Соглашение министров иностранных дел ЕС в Неаполе (28-29.11.2003 г.) предусматривало, что решение о расширении круга участников

---

[9] M. Overhaus, *Deutschland und die Europöische Sicherheits- und Verteidigungspolitik 1998-2003* // S. Harnisch, Ch. Katsioulis, M. Overhaus (Hrsg.), *Gewollte Ambivalenz oder fehlende Strategie?*, S. 51.

«усиленного сотрудничества» будет находиться в ведении всех государств-членов (Европейский совет), а следовательно, иначе, чем это предлагалось в проекте Конституции (ст. III-213), и что данная структура будет доступна всем желающим при условии выполнения военных требований (обладания до 2007 г. специальными средствами в области преодоления кризисов)[10]. Развеять недоверие проатлантических европейских государств должна была гарантия в том, что структурное сотрудничество будет реализовано в соответствии с обязательствами в отношении НАТО, остающегося основой коллективной обороны. Клаузула взаимопомощи в случае агрессии теперь расширилась и должна была охватить всех членов ЕС, а не только участников «структурного сотрудничества». Кроме того, Германия отказалась от концепции независимого штаба в Тервюрене взамен на согласие образовать планово-командный центр при Военном штабе ЕС для будущих автономных операций ЕС, дополняемых и поддерживаемых национальными штабами, обязанными планировать автономные европейские операции и руководить ими (в Германии предусмотрен для выполнения этих задач штаб командования операциями в Потсдаме). При Главной штаб-квартире НАТО (*SHAPE*) должно было быть создано представительство ЕС для усиления совместной деятельности в рамках операции «Берлин-плюс», а также, с другой стороны, при Военном штабе ЕС связное представительство НАТО.

Соглашение разблокировало патовую ситуацию после Брюсселя; обе стороны сохранили свое лицо в споре. Компромисс не означал де-факто, что риск дублирования исчез. Отказ от постулата создания главной штаб-квартиры ЕС в Тервюрене был лишь отказом от постулата, явно бросающего вызов НАТО; принцип, гласящий, что ЕС должен иметь независимые планово-командные инструменты, был сохранен и должен был быть внедряем в жизнь в меньшем масштабе, чем этого хотели Франция и Германия. С другой стороны, это, несомнен-

---

[10] Ср. документ под названием *Council of The European Union, European Defence: NATO/EU Consultation, Planning and Operations*, Brussels, December 2003.

но, свидетельствовало также о том, что желание независимой и неконсультируемой с США европейской политики безопасности материализуется при одобрении наиболее проамериканских членов НАТО. Выразительным проявлением данной тенденции стало объявление Великобританией, Францией и Германией концепции создания до 2007 г. *Battle Groups* – т. е. интервенционных отделов ЕС (февраль 2004 г.).

ESDP-Франция: европейская ориентация

Иракский кризис показал, что в политике ФРГ было укоренено намерение, чтобы данный институт представлял собой основу равноправной, но в то же время самостоятельной и независимой европейской опоры в Атлантическом альянсе, выражающей в отношении США интересы государств авангарда ЕС, т. е. французско-германского тандема. Упомянутый компромисс в Неаполе ослабил такую концепцию *ESDP*. Можно сказать, что ныне ФРГ стоит не столько перед дилеммой выбора между европейскими устремлениями Франции строить в ЕС противовес для США и позицией Вашингтона, не согласного с такой европейской позицией безопасности, которая была бы слишком независима от НАТО и реализовывалась за счет него, сколько скорее перед необходимостью улаживания последствий выступления за позицию Франции. Однако ФРГ не до конца ее разделяет – так происходит особенно тогда, когда Франция патронирует видение ЕС, понимаемого более как отдельный полюс мировой политики, чем как опора трансатлантического сообщества. С другой стороны, Германия, подобно Франции, видит необходимость независимости ЕС и поэтому рассматривает *ESDP* не только как институт, кооперирующийся с НАТО, но также претендующим на право на автономию и конкуренцию в отношении НАТО. Неизбежно возникает мысль о том, что это новое «французское» позиционирование, родившееся в иракском кризисе, должно приниматься во внимание каждым очередным немецким правительством, которое должно было бы вернуть прежнее равновесие во внешнюю политику Германии.

В перспективе инициатива автономной политики безопасности, реализуемой с помощью обоих инструментов *ERRF* (Европейские силы быстрого реагирования и *Battle Groups*, по убеждению немецких политиков, должна служить пропаганде Европейского союза безопасности и обороны, который должен стать орудием сильной позиции ЕС в рамках Атлантического альянса. Вовлеченность ФРГ в создание обоих этих военных инструментов ЕС осложнено в особенности двумя обстоятельствами, ограничивающими выработку солидных концептуальных основ, которые дополняли бы европейское и немецко-французское сближение по вопросу о *ESDP*. Явно отсутствие как совместной немецко-французской, так и европейской стратегии в отношении того, как комплементарно соединить различные национальные точки зрения, военные традиции и приоритеты, касающиеся инструментов реагирования на международные кризисы (убеждение или санкции); предпочитаемого Парижем военного интервенционализма, постулируемых Берлином гражданских упреждающих действий и реконструктивно-стабилизационных миссий; определения регионов общих/специфических интересов; того, каким должно быть окончательное взаимоотношение между *ESDP* и НАТО и как избежать их дублирования. Кроме того, как при инициативе *NRF*, так и в случае *ESDP* появляется та же дилемма, связанная с незаконченной реформой бундесвера и отсутствием профессиональной армии, а также неприспособленной, статичной системой принятия решений в области делегирования вооруженных сил для участия в зарубежных операциях.

Несмотря на официальную адаптационную программу, очерченную Директивами оборонной политики, создание в рамках бундесвера компонентов, равных соответствующим компонентам французских и британских сил в области возможностей проецирования военной силы, представляется трудным. Наряду с дефицитом вооруженных сил и бюджетными препятствиями следует указать политические причины в форме своеобразной национальной культуры безопасности, отличающейся от французских и британских традиций

интервенционализма. Данные факторы в совокупности в каждом рассматриваемом случае ставят под сомнение вооруженное участие Германии в военных операциях, состоящих в насаждении или восстановлении мира силой. Следует подчеркнуть, что несомненно отличная культура национальной безопасности по-прежнему будет определять специфический настрой Германии на проецирование военной силы и отражаться на скорее сдержанной позиции в отношении военных операций ЕС в особенности в том случае, если они приобретают характер боевых миссий. Поэтому также предусмотренное пока участие бундесвера в силах *NRF* (около 5 тысяч солдат) и *RRF* (около 33 тысяч солдат) сосредоточено не столько на ударных, сколько на логистических возможностях воздушного и морского транспорта.

Наконец, не избежать необходимости преодоления сопротивления со стороны Франции и Великобритании, которые наверняка по великодержавным причинам будут оберегать свою монополию в рамках ЕС на обладание боевыми военными компонентами (французско-немецкое партнерство в безопасности ограничено и не относится к ядерной доктрине Франции!). Упомянутые обстоятельства дали о себе знать симптоматично, когда Великобритания и Франция в феврале 2004 г. самостоятельно объявили план создания *Battle Groups*. Однако Германия поддерживала эту инициативу с самого начала и официально подчеркивает ныне ее трехсторонний характер. С другой стороны, роль Германии в реализации данной концепции является второстепенной. ФРГ и Франция должны учесть позицию Великобритании, так как ее значение для *ESDP* и развития военных возможностей является ключевым. Стратегическое значение французско-германского сотрудничества будет состоять в будущем в инициировании военных решений, сама она не была бы в состоянии исполнять руководящие функции в *ESDP*[11].

---

[11] U. Diedrichs, M. Jopp, S. Sandawi, *Möglichkeiten und Grenzen militärischer Integration im Rahmen der ESVP* //„ Integration", nr 3/2004, S. 232.

Даже военное участие в европейском контексте скрывает в себе несколько ловушек с точки зрения немецкой внутренней политики. Как будет вести себя нынешняя коалиция СДПГ/Зеленые, когда окажется, что Франция и Великобритания пожелают тестировать новую европейскую инфраструктуру безопасности, а проводимые вместе операции начнут приобретать характер не столько превентивный или стабилизационный, что предпочитается ФРГ, сколько скорее боевой с целью восстановления мира силой или даже упреждающих ударов? Вестником этих дилемм была отчасти операция «Артемис» в Конго.

Обоснование участия бундесвера в этой операции в Конго аргументом, что это была первая самостоятельная миссия ЕС, заставляет предположить, что главным мотивом участия в ней (правда, в очень ограниченной мере) было желание продемонстрировать способность ЕС к ведению международной интервенции без использования потенциала НАТО. Это вызывает вопрос о легитимности самостоятельных операций ЕС с точки зрения ФРГ и других главных действующих лиц *ESDP*. В случае Франции и Великобритании это многолетняя традиция колониализма на африканском континенте; Германия не имеет в какой-либо мере подобного опыта. Германия не настолько заинтересована Африкой и в особенности странами Магриба, а также угрозами, связанными с отсутствием стабильности демографического развития в этом регионе. Несомненно, все эти обстоятельства осложняли бы легитимизацию участия бундесвера в возможных военных операциях на этом континенте. Кроме того, бундесвер, не так, как французская армия, подлежит сильному парламентскому контролю, а немецкое общественное мнение принципиально не приемлет его участия в зарубежных операциях[12].

На вопрос трехстороннего сотрудничества можно также посмотреть с другой точки зрения. Трилатерализация *ESDP* могла быть тем более одобрена Германией, что данный меха-

---

[12] Ср. J. Thies, *Die neue Unsicherheit nach dem Irak-Krieg* // „Aus Politik und Zeitgeschichte", B 31-32/2003, 28.07.2003, S. 4.

низм дает возможность прекрасно продолжать дуалистическую стратегию в политике безопасности и в особенности развитие двух конкурирующих институтов при значительно меньшем, чем прежде, риске углубления противоречий, существующих в отношениях с США. Проверка намерений ФРГ в вопросе комплементарности НАТО и *ESDP* свелась, таким образом, к тому, осознают ли как канцлер и партии правящей коалиции, так и оппозиция после иракского кризиса элементарную зависимость, что усиление сотрудничества в рамках *ESDP* возможно только при уважении и учете обязательств, связывающих с НАТО другие европейские государства. Ибо как избежание девальвации НАТО, так и сохранение союза с США находится в интересах многих (большинства?) государств-членов ЕС, желающих углубления *ESDP*. Германия принципиально с этим согласна, но ее роль в *ESDP* не до конца еще выкристаллизовалась.

Отрицательная роль ФРГ проявилась в использовании *ESDP* для создания с ЕС противовеса США, в попытках парализовать возможность действий НАТО в случае кризисных ситуаций (*NRF*) и далее в стремлении к построению Европейского оборонительного союза в такой форме, которая привела бы к подрыву задач НАТО, манифестировала бы *désintéressement* участников ЕОС к его оборонительным функциям, а в результате принесло бы нарастающий кризис доверия в Атлантическом альянсе.

Неапольский компромисс скорректировал концепцию эксклюзивной *ESDP*. Совет как целое должен подтвердить желание участия претендентов в группе «структурного сотрудничества» по принципу квалифицированного большинства. Кроме того, требование единомыслия Совета министров по вопросу о военных операциях ЕС может помочь отчасти ликвидировать возможный конфликт интересов между НАТО и ЕС. Это касается как операций, реализуемых национальными штабами, так и таких операций ЕС, в которых военно-гражданские аспекты потребуют руководства новым центром планирования и командования (при Военном штабе ЕС), а

следовательно, структуры, которую можно считать заменой несостоявшегося главного штаба ЕС в Тервюрене. Подобным образом решения в рамках группы структурного сотрудничества должны приниматься единогласно[13].

Осознание немецкими политиками факта, что европейская политика безопасности требует меньшего или большего учета проатлантических партнеров, может, в свою очередь, положительно воздействовать на сотрудничество ЕС и НАТО. Здесь речь идет в особенности о порядке дебатирования и принятия решений по вопросам безопасности, актуальным для трансатлантического отдела, а в особенности о том, в каком масштабе они должны консультироваться на одном форуме вместе с США и, возможно, в каком масштабе вначале на уровне ЕС (т. н. *EU caucus*). Упомянутое соглашение отдало предпочтение НАТО как первому, с точки зрения важности, центру принятия решений по проблемам кризисных операций. Представленная Фишером идея стратегического диалога между США и ЕС также соответствует этой концепции, так как предполагает придание Совету НАТО ключевого значения как форуму дискуссий и решений для глобальных проблем безопасности.

Таким образом, именно от Германии зависит, какой из двух сценариев европейской самостоятельности будет фактором, в ряду других очерчивающим трансатлантические отношения на ближайшую перспективу. Несомненно, реализация *положительного* сценария может способствовать реконструкции Запада, хотя и на изменившихся основаниях. Германия под руководством красно-зеленой коалиции имеет политический потенциал, предназначающий ее для того, чтобы она сыграла важную роль в этом процессе. Удивительным может показаться то, почему вначале Германия согласилась с положениями конституционного проекта по вопросу *ESDP* и была их соавтором, а потом под влиянием проатлантических членов ЕС пошла на компромисс, заостряющий ее стремление к полу-

---

[13] *Council of The European Union, European Defence: NATO/EU Consultation, Planning and Operations*, Brussels, December 2003.

чению большинства в *ESDP* и использованию этого института для превращения ЕС в противовес США, а также снижению значения НАТО. Такая позиция правительства Шредера отражает колебания, связанные не столько с выбором Германией принципиального политического направления после иракского кризиса (решение по этому вопросу уже принято), сколько скорее по вопросу о том, на каких условиях должен происходить приоритетно рассматриваемый ею процесс эмансипации ЕС в трансатлантических отношениях и какова его окончательная цель, а также до какой степени он должен продолжаться за счет НАТО. Не исключено, что в стратегии Германии эта цель постоянно эволюционирует и, возможно, окончательно ею станет формула полной самостоятельности Европейского Союза в международных отношениях – просто роль глобального актера и отдельного военного союза. Быть может, неясность, сопровождающая этот вопрос в германской политике безопасности, в версии красно-зеленой коалиции намеренна, однако она может быть также расценена как проявление дезориентации.

Это неоднозначное поведение было просто следствием новой линии, по новому интерпретирующей аксиому мультилатерализма – *Westbindung* – во имя стремлений к обретению ЕС новой самостоятельной позиции в рамках трансатлантического альянса, а тем самым более влиятельной позиции ФРГ. Лозунг канцлера Шредера «больше Европы в Североатлантическом альянсе» был равнозначен постулату придания Германии большего значения в трансатлантических отношениях. Следует добавить, что эта позиция явно контрастировала с поведением правительства СДПГ/Зеленые в 1999 г., когда еще «традиционный» мультилатерализм сказался на его решении об участии бундесвера в войне за Косово. ФРГ отказалась от сдержанности и чувства взвешенности. Из-за иракского кризиса Германия оказалась в ловушке многих дилемм. Изменяющиеся условия требуют значительной адаптации, преображающей взаимоотношения двух направлений германской

внешней политики, что создает впечатление неоднородности немецких стратегий в отношении НАТО и *ESDP*.

Выводы

Так же, как для американской стороны иракский кризис стал уроком того, что следует по-прежнему согласовывать сотрудничество со «старыми» членами ЕС, так и Германию, в свою очередь, он научил тому, что, во-первых, создание собственного места и позиции ЕС в трансатлантических отношениях с помощью демонстрации независимости от США и относительности их положения как руководителя альянса не совсем верно, учитывая более глубокий и продолжительный характер связи с США, чем предполагалось; во-вторых, что региональные очаги нестабильности, которые легко приобретают глобальный характер, невозможно ликвидировать лишь с помощью мультилатеральных переговоров, политики *status quo*, дипломатии убеждения и инструментов политики во имя развития, реализующих идею *global governance*, они требуют также готовности к использованию военной силы или по меньшей мере политики решительного убеждения, как в случае совместной акции ФРГ, Франции и Великобритании в отношении Ирана и распространения ядерной энергии. Пропаганда *ESDP* и одобрение новой, прагматичной и выходящей навстречу американским ожиданиям Европейской политики безопасности, в подготовке которой ФРГ сыграла важную роль, равно как поддержка трансформации НАТО, показывают, что немецкая политика безопасности преображается и готовится к активной борьбе с новыми угрозами.

Германия является ключевым государством для преображения трансатлантических отношений, в том числе для процесса формирования авангарда ЕС. Без нее Франция не в состоянии добиться своей политической цели – использования Европы как инструмента для создания противовеса США. Правительство Шредера уже не одобряет такой идеи, поскольку волей-неволей признало США главной державой Запада (хотя и добивается для ЕС роли второй опоры транс-

атлантического альянса), а однозначная поддержка французских планов привела бы к распаду ЕС на две ориентации. ФРГ выступает пока скорее за вариант развития *ESDP*, в котором главную роль будут играть большие государства ЕС, и по-прежнему неизвестно, будет ли и в какой степени склонна к выходу за рамки формулы трилатерализма и обобществления *ESDP*.

Однако полное участие ФРГ в интервенционистских операциях по примеру Великобритании и Франции, независимо от их статуса, то ли под руководством ООН, то ли лишь в рамках института коллективной безопасности, т. е. НАТО (*NRF*) или ЕС (*ERRF*, *Battle Groups*), до сих пор еще сомнительно и остается спорным вопросом с точки зрения внутренней политики. Правительство канцлера Г. Шредера по-прежнему не уверено в том, готово ли немецкое общество одобрить участие бундесвера в военных операциях за рубежом с высокой боевой интенсивностью (даже по мандату ООН), а также согласится ли сделать выводы из реализуемых реформ вооруженных сил и одобрит отмену всеобщей воинской обязанности (символа «старой» Федеративной Республики), ограничение чрезвычайно больших полномочий парламента в сфере делегирования вооруженных сил за границу, а что более важно – на чрезвычайные расходы, предназначенные на военную адаптацию.

Германия по-прежнему сохраняет, хотя и сокращенные, основания трансатлантической ориентации. Однако восстановление классического равновесия между трансатлантическим и европейским направлениями мало возможно. Закрепление трансатлантической ориентации в немецком обществе в связи с иракским кризисом было серьезно подорвано. На политической сцене ФРГ не вопрос укрепления Европы политически поляризовал позиции в отношении США, а то, как обращаются с прежним важнейшим союзником. Немецкие политические элиты признают бесспорным, что Европа должна более явно обозначить свою позицию в рамках альянса, если же демохристиане (ХДС/ХСС) и либеральные демократы

(ЛДП) делают упор на сохранение НАТО, опасаются ухудшения германо-американских отношений и в целом глубже симпатизируют США, чем СДПГ, то это отчасти следует из традиционных идейных основ этих партий.